

История философии Об Платон о Боге.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Итак, сегодня днем мы хотим перейти к третьей важной теме в наших размышлениях о Платоне, Боге и Космосе. И переход к ней происходит очень естественно, начиная с его «Теории форм». Обратите внимание на этот дополнительный способ, которым он говорит об общем расположении вещей во всей вселенной бытия.

Он различает бытие, становление и небытие. При этом становление, понимается, представляет собой состояние изменения. Это характерно, следовательно, для мира частных.

Этот физический, природный мир. Бытие — это царство неизменного, вечного. Следовательно, это царство мысли.

А что такое небытие? Это полное отсутствие мысли. Это ничто конкретное, играющее на этом. В небытии нет ничего, что находится в мире частных.

В этом нет ничего конкретного . Поэтому это ничто. И вопрос в том, как возникают частные случаи? И мы заметим, что в мышлении Платона присутствует некоторая двусмысленность.

Платон сам не превосходит более позднюю христианскую доктрину о том, что сотворение мира происходит из ничего, из небытия. Нет, это не Платон. Каким бы ни был Бог, которого Платон пытался представить, это не Бог-творец, созданный из ничего, как это происходит в иудео-христианском Боге.

Бог Платона — скорее формировавший, организатор. Да, сэр. Но если небытие не понимается как абсолютное ничто в смысле *ex nihilo* , то что же такое ничто в частности? Да, сэр.

Вещь — это конкретная вещь, которой она является, благодаря участию в формах. Таким образом, она участвует в природе чего-либо , в каком-либо качестве, в каком-либо виде сущности, вида или в каком-либо отношении. Она должна участвовать в природе чего-либо. для того, чтобы быть чем-то конкретным .

Итак, если именно форма придает конкретность, то перед нами царство небытия, которое представляет собой лишение всякой формы , которое воспринимается как некая первозданная материя. Первозданная материя. Совершенно неясно, что Платон мог подразумевать под этим.

Он имеет в виду, что существуют определенные материальные элементы, которые есть и всегда были? Как вы думаете? И из этой первобытной массы буквально формируются отдельные детали и тому подобное. Информированные. Вот такая картина у нас сложилась.

Это довольно расплывчато. Мы смотрим на материалы и видим, какую форму они принимают. Но вопрос о Боге возникает в силу того, что мы обращаем внимание на сферу бытия.

Потому что до сих пор Платон считал, что существует огромное множество форм. Понимаете? Форма того или иного рода, форма другого рода, бесчисленное множество форм. Все эти формы реальны.

Они обладают бытием. Понимаете? Они выходят за пределы этого мира отдельных вещей. Трансцендентная сфера — это другая сфера бытия.

Они отделены от этого мира. Кажется, что они отделены друг от друга. Это идеалы, представляющие собой идеальное благо для того рода вещей, которые олицетворяет собой данная форма.

Итак, возникает вопрос: какова взаимосвязь между всеми этими формами? Если вы собираетесь иметь космос, вселенную, а не мультивселенную, то между различными формами существуют определенные взаимосвязи. Нечто, что их объединяет. В чем, так сказать, все они участвуют.

Понимаете? Другими словами, должна существовать форма всех форм. Форма формальности. Идеал идеальности.

Поскольку быть формой означает быть хорошим и идеальным, Платон понимает форму блага. Не форму того блага, того блага, другого блага. То есть, отдельные виды форм.

Но это форма формальности, форма идеальности, форма добра. Именно это понятие он развивает в «Республике». Идея формы добра.

С этого начинается его постепенно формирующееся представление о едином трансцендентном, высшем виде бытия. Это подталкивает его мышление в направлении того, что некоторые называют своего рода теизмом. Существует книга о Платоне, написанная кембриджским философом А. Э. Тейлором, и о ней говорят, что он превращает Платона в хорошего епископа.

Возможно, это преувеличение. Но попытки Платона создать это представление о высшем трансцендентном благом существе явно ведут к некоему благому

Богу. А теперь взгляните на раздаточный материал, который я только что распространил.

А если останутся запасные экземпляры, убедитесь, что они мне вернутся. А фрагмент в верхнем левом углу из «Республики», раздел 509, — это стандартная нумерация страниц «Республики». И он просто представляет это понятие добра .

Эта реальность, говорит он, придает истинность объектам познания. Что же являются объектами познания? Формы. Хорошо.

Что придает их истину, их реальность как объектам познания эти объекты познания? И дает познающему силу познания, делая возможным для нас познание форм? Что ж, вы должны сказать, что это делает это возможным благодаря идее добра. Конечно.

Что позволяет узнику в пещере Платона видеть не только тени на стене, но и реальные вещи в свете, проникающем через вход в пещеру? Что это? Солнце. И в аналогии с пещерой он представляет себе освобожденного узника, выходящего на дневной свет и поднимающегося на холм, чтобы увидеть солнце. Источник света, который позволяет нам познавать, видеть мысленным взором.

Формы. Понимаете ? То, что придает истинность объектам знания, способность познания познающему, есть форма блага , идея блага . И вы должны понимать это как причину знания и истины в той мере, в какой она познаваема.

Однако, какими бы прекрасными ни были знание и истина, предполагая, что они еще прекраснее, вы будете совершенно правы. Это больше, чем просто источник знания. Это истина.

Что касается знания и истины, то, как показано в нашей иллюстрации, свет и зрение следует рассматривать как солнцеподобные, как источник всего сущего, понимаете ? Но никогда не следует думать , что они и есть солнце, источник всего сущего. Поэтому здесь уместно рассматривать эти два понятия, знание и истину, как нечто подобное благу, как форму блага, прекрасную форму.

Но считать, что хоть один из них является благом, неправильно. Еще большая честь принадлежит обладанию добром и привычке к нему. И тут вмешивающийся добавляет: «Невообразимая красота, о которой вы говорите».

Если оно является источником знания и истины, и в то же время превосходит их по красоте, то что же оно само по себе представляет, понимаете ? А чуть ниже, полагаю, скажете вы, солнце не только наделяет видимое силой видимости, но

и обеспечивает его зарождение, рост и возвращение. Хотя само по себе оно не является источником зарождения .

Таким же образом, следует сказать, что объекты познания не только получают присутствие добра , но и получают от присутствия добра то, что они делают, и само их существование, сущность или природа вытекают из этого. От него они их получают . Хотя благо не является сущностью, оно превосходит сущность в достоинстве и непревзойденной силе. Таким образом, благо является источником знания, источником существования форм, источником природы , различных природ вещей, форм, понимаете ? Теперь, когда он говорит об источнике, имеет ли он в виду первоисточника в смысле источника как начала или источник как то, от чего все постоянно зависит? Что ж, я думаю, ясно, что он имеет в виду последнее.

То есть они существуют благодаря своему отношению к форме блага. Если он буквально подразумевает , что различные формы самих себя вечны, то вопрос о происхождении не возникает. Впрочем, к этому он вернется позже .

Итак, теперь перейдём к «Пармениду» — я записал названия различных диалогов, чтобы вы могли их запомнить. Как вы помните из нашего обсуждения фрагмента текста на прошлой неделе, в «Пармениде» говорится об одном, в отличие от множества. Понятно? Добро, конечно же, становится одним.

В то время как мир частных, мир перемен, представляет собой множество, существует лишь одна форма добра . Это и есть оно.

Кстати, платонизм привлекал не только раннее христианство, но и иудаизм. А если вы хотите понять эту связь, вспомните знаменитую молитву Шема из книги Второзаконие: «Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, един».

Что? Тот самый? Отлично. Видите связь? Вспомните, в «Федре», который вы сейчас рассматриваете на этой неделе, он говорит о самой красоте как об отличной от отдельных видов красоты . Понимаете ? Тот самый, добро, само добро, сама красота, в которой участвуют прекрасные вещи.

Итак, исходя из этого, его поздние работы развиваются в двух направлениях, по крайней мере, на первый взгляд, хотя на самом деле это одно и то же направление. Первое – в направлении космологии. Второе – в направлении морального порядка.

О, вот опять. Намек на досократиков. Благодаря единому, которое есть благо, форме всего сущего, в космосе существует порядок, рациональный порядок, то, что Гераклит называл логосом-структурой.

Но в силу того, что форма и форма являются благом, этому благу следует подражать. Мы должны быть подобны благу. И тогда возникает понятие морального порядка, а также космического порядка.

Макрокосм, космос. Микрокосм, город-государство, и индивидуальная нравственная жизнь. И источником порядка в обоих является благо, форма блага.

Ну, это начинает прослеживаться, на первый взгляд, в связи с космологией в «Тимее». И вот некоторые отрывки из «Тимея», которые мы рассмотрим чуть позже. В «Тимее» он говорит об изобретателе и мировой душе.

Я допустил ошибку; я записал законы. Ладно, это должен был быть «Тимей». В «Тимее» он говорит об изобретателе и мировой душе.

Разговоры о мировой душе повторяются в законах, в диалоге «Филеб» и в «Софисте». Причём на более коротком отрезке, чем в «Тимее». Итак, кто же этот «мастер»? С этимологической точки зрения, мастер — это тот, кто создаёт искусство.

Тот, кто трудится. Греческий термин — демиург, демиургос. Это означает работник.

Рабочий. Итак, перед вами изображение космического рабочего. Космического мастера.

что этот мастер, будучи добрым, желал, чтобы все вещи были добрыми. И поэтому он создал их по своим формам. Трудно понять, как следует понимать это буквально.

Потому что в этом отрывке Платон, кажется, отходит от своего метода, при котором Сократ вступал в диалог с людьми, и извлекает все идеи из беседы. Вместо этого Платон произносит речь и рассказывает то, что он называет правдоподобной историей. Как будто способность к ясному осмыслению и буквальному изложению, так сказать, сталкивается со всевозможными туманами, облаками и концептуальными барьерами.

Таким образом, вполне возможно, что то, как он олицетворяет этого демиурга, не следует воспринимать буквально, как если бы это было личное божество. Трудно сказать наверняка. Но, по крайней мере, он считает язык личного божества наиболее подходящим для выражения своих мыслей.

Однако, в буквальном смысле, он этого хочет. Но обратите внимание, что демиург, мастер-ремесленник, — добрый. Как будто говоря: «Вот то добро, о котором мы говорили в Республике, — это именно то, что я имею в виду здесь».

Творец, добро, — это не просто идеал, трансцендентный идеал, достойный восхищения. В конце концов, он должен был стать источником бытия форм. Почему бы ему не стать также источником становления космоса? Бытия? Становления? Источника бытия космоса.

И поэтому он говорит, что, будучи добрым, желал, чтобы все вещи были добрыми. И поэтому он создал их по формам. Как будто идеи, план, были самим творцом.

Это заставляет его больше походить на архитектора, чем на настоящего рабочего. У греков был довольно аристотелевский взгляд на вещи. Я сказал аристотелевский? Аристократический взгляд на вещи.

Таким образом, быть ремесленником и выполнять работу своими руками считалось ниже достоинства аристократа. Но придумать и спланировать это — совсем другое дело. Поэтому он, кажется, рассматривает ремесленника как планировщика, как архитектора.

Кто приписывает миру душу? Мировую душу? Да, похоже, он воспринимает космос как нечто одушевленное, как живое существо. Он использует именно эту фразу.

Тело и душа. На самом деле, это понятие так же старо, как и досократики, и даже раньше. Вы обращали внимание на эту строчку, когда читали Фалеса? Помните Фалеса? Мир одухотворен и полон божеств.

Обладает ли мир душой? Полн ли он душами? Да, потому что понятие души, греческое слово *psyche*, очень неоднозначно. Оно используется для обозначения жизни, как и латинское *anima*, используемое как для обозначения души, так и для обозначения жизни. Понимаете? И поэтому греки считали, что животные обладают душами.

А если ты не был особенно хорош в этой жизни, то мог превратиться в животное в следующей. Для тех, кто совершил переселение душ. Понимаете? Но здесь он говорит о божествах, богах.

Уподобление души богам, или же слово «боги» просто означает некие нематериальные силы? Существа, которые не являются просто плотью и костями, как мы. Ничто. Боги.

В любом случае, у него есть душа мира. Как будто космос — это живое существо. Платон никогда не слышал о механистической вселенной Ньютона.

Всё это мертво. Понимаете ? Для греков Вселенная не была мертва. Она жива! Обладает собственной силой.

Её собственная жизненная сила. Понимаете ? Вот почему романтики XIX века в Берлине вернулись к изучению Платона. Понимаете ? Потому что они тоже видели в природе живую природу.

Но эта мировая душа, следовательно, является активной силой, которая формирует космос в соответствии с формами. И мастер передает ее мировой душе, которая пронизывает все вещи, оживляет вещи и активизирует их, чтобы они действовали в соответствии с формами. Точно так же, как ваша душа должна оживлять и двигать ваше тело, чтобы оно действовало в соответствии с добром, с формами.

Таким образом, мировая душа, весь космос, должны быть упорядочены в соответствии с добром. Космический порядок. Что ж, в дальнейших комментариях, которые он делает по этому поводу в законах Филеба и Сарвиса, кажется, прослеживается некоторая связь между душой и разумом.

Точно так же, как и в индивидуальной человеческой душе, рациональная душа упорядочивает жизнь . Так и мировая душа, как если бы она была рациональным упорядочивателем.

Видите ? И вы возвращаетесь к Логосу Гераклита, повторяя эту концепцию. Разум Анаксагора. Фактически, именно в таком контексте в диалоге «Филеб» он восхваляет Анаксагора за его мышление в терминах этого космического разума, разума.

Хотя Анаксагор и не зашёл достаточно далеко. Что ж, мы рассмотрим эту космологию чуть позже в «Тимее». Но в «Фетете» его внимание больше сосредоточено на моральном порядке.

А теперь взгляните на отрывок из «Тэтета» внизу первой страницы, который есть в раздаточном материале. Речь Сократа. От зла невозможно избавиться.

Потому что у добра всегда должна быть противоположность. В мире частных случаев всегда существуют противоположные качества. Свет и тьма.

Жара и холод. Сухость и влажность. У добра должна быть противоположность — зло.

Им нет места и в божественном мире. Но они неизбежно будут преследовать эту область нашей смертной природы. В царстве вечном нет зла.

Оно существует в этом мире. К обсуждению зла мы вернемся чуть позже. А теперь давайте перейдем к остальной части абзаца.

Вот почему мы должны изо всех сил стремиться к бегству из этого мира в другой. А это значит, что мы должны, насколько это в наших силах, уподобляться божественному. Это значит стать праведными, справедливыми с помощью мудрости.

Быть подобными Богу — вот к какому благу мы должны стремиться. Ничто другое. Не так-то просто убедить людей в том, что причины избегать зла и стремиться к добру не те, которые нам дает мир.

Правильный мотив не в том, чтобы казаться невинным и добрым. Есть мир видимости, к которому стремился ритор. Эти софисты.

На мой взгляд, это ничем не лучше старой бабьей сказки. Давайте воспримем истину так: в божественном нет и тени несправедности.

Только совершенство праведности. И ничто так не похоже на божественное, как любой из нас, кто становится максимально праведным, с наименьшей тенью несправедности.

Именно здесь человек проявляет свой истинный дух и силу. Или же отсутствие духа и ничтожность. Познание этого – мудрость и истинное совершенство.

Незнание — это слепота и низость. Таким образом, форма добра имеет моральное значение. Форма добра служит образцом, идеалом для нравственной жизни.

В своей речи о политике государственный деятель уподобляет Бога, используя термин «Бог», государственному деятелю, пасущему свой народ. Он уподобляет государственного деятеля пастуху, а значит, и Бога государственному деятелю, пасущему свой народ. Это проявление заботы об их благополучии.

А в законах он говорит о Боге как о самодвижущейся мировой душе. Как будто он стер различие между творцом и мировой душой и объединил их в одно целое.

Бог — это самодвижущаяся мировая душа, знающая всё. Он заботится о людях и их делах. В этом и заключается роль пастыря.

Вознаграждает добро и зло. И дарует совершенство природе в целом . Бог законов.

В общих чертах, это и есть формирующаяся картина Бога, которую мы видим у Платона. Это завораживает. В «Республике» вы бы без колебаний сказали, что форма добра — это просто, или у Парменида — единое, что это теистическое существо.

Видите ? И все же, когда дело доходит до законов, «Тимей», это все больше и больше напоминает именно это. И добавьте моральные аспекты. «Тимей», как вы понимаете с первого взгляда, посвящен просто космологии.

Но если прочитать «Тимея» целиком, то станет ясно, что главная цель и забота здесь не в космологии, а в нравственной жизни, в заботе о душе.

И он развивает эту идею через концепцию космического порядка, управляемого добром. Управляемого мировой душой. Понимаете ? Таким образом, космология, к которой обращается Платон, является средством для достижения цели — обсуждения морального порядка.

В жизни отдельного человека и в жизни города-государства. Позвольте мне сделать здесь паузу. Есть вопросы? Я хочу перейти к проблеме зла, но давайте сначала рассмотрим этот момент.

Есть вопросы? Да? Я, кажется, не совсем понимаю, почему форма форм обязательно должна быть формой добра. Почему она не может быть формой любви? Ну да. Форма чего-либо — это то, что является идеалом, то, что является архетипом.

А понятие добра здесь — это понятие того, что является превосходным. Это превосходство . Так что, если вы мыслите в терминах степени, в которой вещи участвуют в формировании формы.

Понимаете ? А на самом верху находится понятие совершенства. Высшее благо. Он не хочет называть какое-либо конкретное благо.

Понимаете ? Но что прекрасно, что хорошо, что превосходно — он имеет в виду не только моральное благо. Понимаете ? Но и неморальное благо тоже. Обратите внимание, как широко мы используем термин «благо».

Видите ? Мы говорим «добрый день». Мы говорим о хорошей собаке. О хорошей еде.

Понимаете ? Помимо доброго дела и хорошего человека. Поэтому слово «хороший» означает просто совершенство. Качество.

Идеальное качество. В этом смысле это общий термин. Независимо от того, говорите ли вы о добре, которое заключается в обладании истиной.

Или доброта в искусстве, которая для него — это вопрос красоты. Понимаете ? Или доброта в нравственной жизни, которая для него — это праведность или справедливость. Это просто способы проявления добра.

Для него добро было лишь наиболее сформированным существом, способным участвовать в формировании формы. Это сущность бытия формой. Хорошо, вполне закономерный вопрос, давайте углубимся в проблему зла.

Очевидно, что зло олицетворяет собой дисгармонию. Тогда как добро в космосе — это вопрос гармоничного порядка, когда всё находится на своём месте.

Зло — это своего рода дисгармония. Как объяснить гармонию и дисгармонию в космосе? И добро, и зло. Что ж, он приводит разные объяснения, по крайней мере, внешне разные, в разных местах.

В «Тимее» он отмечает, что помимо действия разума существует мировая душа. Также присутствует действие необходимости . Греческий термин *anankhe*, я думаю, можно так транслитерировать.

Необходимость. Своего рода причинная необходимость, проистекающая из слепой судьбы. Таким образом, помимо добра, в природе действуют и другие, так сказать, слепые силы.

А некоторые связывают это с тем, что он говорит о небытии, как если бы это была какая-то первозданная материальная субстанция . Неукротимая. Со своей собственной распущенностью.

Как будто Платон был метафизическим дуалистом. У вас есть вечная материя , которую вы не можете полностью контролировать. И у вас есть вечная душа, разум.

Зло возникает потому, что материя, непокорная, сопротивляется разумному порядку. Аналогично тому, как человеческое тело, движимое навязчивыми желаниями и подверженное силам, которые мы не контролируем, выходит из-под контроля. Получается дуалистическая интерпретация.

Эта интерпретация больше склонялась к гностическому направлению. Основная линия мысли после Платона, в его интерпретации, была более монистической. Как будто существуют не две высшие реальности, а только одна.

Материя на самом деле есть небытие. Ничто. И тогда перед вами предстаёт форма, пытающаяся в деталях проявиться в мире противоречивых деталей.

Необходимость такого рода. Это становится идеалистической интерпретацией, а не дуалистической. Всё сущее по своей природе является результатом разума.

Душа. Мысль. Форма .

Но существуют и проявления этого. Это явления. Явления.

Но сами по себе они не являются реальностью. Это направление проявляется в неоплатоническом движении, о котором мы поговорим позже. Таким образом, существует неопределенность относительно необходимости и разумности.

Если хотите, можете считать, что это природные силы. И он спрашивает: если вы выпадете из окна и сломаете шею, что станет причиной? Это же не рациональная вселенная, не так ли? Ну, есть природные силы, которые могут доставить вам неприятности, если вы будете неосторожны. Теперь, в законах, он делает другое загадочное предположение, которое, кажется, склоняется в дуалистическом направлении.

Помимо единой или мировой души, он говорит о диаде . ДИАДА. Диада .

Это буквально вторая величина. Если монада — это первая величина, то диада — это вторая. Как будто в этом замешан второй вид чего-то.

Имеет ли он в виду что-то большее, чем просто природные силы? Трудно сказать. Но более подробный отчет содержится в газете Statesman. Именно его я и разместил на второй странице раздаточного материала.

Давайте посмотрим на это. Вторая страница раздаточного материала. То, что у него есть, безусловно, не является дуалистическим явлением.

Это скорее похоже на взаимодействие противоположных качеств в физическом мире. Видите ли, еще досократики, когда они говорили об элементах, они говорили о противоположных элементах. Вспомните, например, Анаксимандра.

Он обнаружил не только влажность, подобную воде, но и сухость. И не только тепло, но и холод. Отказался признать какой-либо из элементов первостепенным.

И говорил он вместо своего щита, о чем-то неопределенном. Что ж, Платон, похоже, имеет в виду, что в физическом космосе существуют два противоположных свойства. И обратите внимание, как он это делает.

Вверху страницы. Послушайте, и вы услышите. Существует эпоха, в которой сам Бог помогает Вселенной на её пути и направляет её, передавая ей вращение.

Но есть и период, когда он ослабляет контроль. Он делает это, когда цепи, находящиеся под его руководством, отработали положенный срок. После этого система начинает вращаться в противоположном направлении под собственным влиянием.

Потому что это живое существо, наделенное разумом тем, кто создал его в начале. И эта способность к обратному вращению является неотъемлемой частью его природы по определенной причине, о которой я должен рассказать. Хорошо, вы понимаете? Это как если бы вы завели пружину и отпустили ее.

А если отпустить, он сам разматается. Понимаете? Вы свернули садовый шланг, а потом включаете воду под полным напором. И он сам разматывается.

Словно нечто сопротивляющееся тому, чтобы оставаться на месте — в шланге, весной, во Вселенной. Так что читайте дальше. Быть неизменным, непоколебимым и неизменным — это привилегия лишь самых божественных вещей.

Природа тела не дает ему права занимать это место. Нет, телесные тела — это мир перемен. Они не остаются на месте.

Небеса или Вселенная, как мы решили их называть, получили от Того, кто их сотворил, множество благословенных даров. Но они также обрели телесную форму. Следовательно, невозможно, чтобы они существовали вечно, неизменными.

Однако его движение в одном месте одновременно равномерно и изменчиво. Именно поэтому оно получило от Бога обратное вращение, наименьшее возможное отклонение от своего собственного движения. Да, это отрицательное движение — наименьший из возможных видов отрицательного движения.

И есть определенные вещи, которые происходят в результате этого и необходимы для общего функционирования конечного мира, но они не хороши. Вращение в одном и том же смысле принадлежит только Господу и

предводителю всего сущего. И даже Он не может сдвинуть Вселенную то в одном смысле, то в другом.

По всем этим причинам существует множество доктрин, которые запрещено утверждать относительно Вселенной. Мы не должны говорить, что она движется сама по себе, вечно вращаясь в одном и том же смысле. Мы не можем говорить, что это Бог вращает её целиком на протяжении всего времени в двух противоположных альтернативных направлениях.

Нельзя сказать, что пара божеств заставляет его вращаться попеременно в противоположных смыслах. Он, кажется, явно отвергает дуализм в этом отношении. Видите ли.

Не паре противостоящих божеств. Следовательно, мы должны подтвердить изложенную выше доктрину, которая является единственно возможной. В одну эпоху этому способствует трансцендентная божественная причина, дарующая обновление жизни и бессмертие.

В другую эпоху, будучи отпущенным, оно движется за счет собственных внутренних сил, накапливая в момент отпускания такой мощный импульс, что может вращаться в обратном направлении. А затем следует параллельный абзац, который идет несколькими страницами позже. Именно по воле Бога, когда он установил его в таком порядке, оно получило все присущие ему добродетели.

Именно из своего первоначального хаотического состояния, подобного этому первоначальному хаосу, этой первоначальной жиже, возникают все зло и несправедливость. Зло, которое оно, в свою очередь, порождает в живых существах внутри себя. Когда им руководит божественный владыка, оно производит добро, но мало зла в существах, которых оно возвращает и поддерживает.

Но когда мир должен продолжать своё существование без Бога, в годы сразу после того, как он отрекается от власти, всё идёт довольно хорошо. Но со временем, по мере того как в нём нарастает забвение Бога, начинает проявляться древнее состояние хаоса. И наконец, когда эта космическая эра подходит к концу, этот беспорядок достигает своего апогея.

Оно производит несколько хороших вещей, затем развращает их и так далее. И тогда Бог снова смотрит на него, тот, кто первым упорядочил его. Видя его беды, опасаясь, что оно, измученное бурями и смятением, снова растворится в бездонной пропасти непохожести, он снова берет управление в свои руки.

Таким образом, он изображает своего рода циклическую космологию. Циклы, так сказать, упорядоченной, рациональной гармонии и нарастающей дисгармонии. У некоторых досократиков существовали подобные циклические космологии.

Вы помните, что Анаксимен, считавший основным элементом воздух, размышлял о циклах конденсации и разрежения. Интеграция, распад. Такой циклический процесс.

Довольно распространённая идея для древних греков. Она находит отражение и в политических размышлениях Платона, когда он рассматривает альтернативные типы правления, сменяющие друг друга в бесконечных циклах, через которые проходит общество. Понимаете?

Таким образом, благожелательная тирания порождает полную противоположность этому, когда благожелательный правитель уходит. Посмотрите на хаос в России после жесткой политики. Цикл, цикл, цикл.

Платон, похоже, мыслит именно так. В конечном существовании заложена внутренняя нестабильность, поскольку это мир становления и изменений. Поэтому зло является естественным элементом в естественном порядке конечной физической вселенной.

Это естественный компонент. Проблема природного зла, хорошо, проблема природного зла — это проблема самой природы конечного существа, а не следствие каких-либо моральных размышлений. И мы, конечно, до сих пор различаем природное зло и моральное зло.

Разумеется, такой взгляд на зло не удовлетворит христианских богословов. Но он помогает обозначить проблему зла, с которой им предстоит столкнуться, как мы увидим чуть позже.

Хорошо, ещё один вопрос? Да. Да. Да, в вечных и неизменных формах нет зла.

Форма человечности — это неизменная идеальная природа человечности. Хорошо. Но когда речь идёт о конкретных людях, о воплощенных людях, возникает противоположная тенденция.

Идеальное яблоко — это не то, которое гниет. Гниют только определенные, совершенные яблоки. Хм.

Да. Да. Конечно, деизм, точка зрения, согласно которой Бог сотворил мир, но не принимает в нём активного участия, — это, по сути, явление XVIII века.

Можно сказать, если хотите, что здесь есть некоторое предвосхищение деизма, потому что Бог не держит руку постоянно на руле. Если использовать аналогию Платона, некоторые видят в этом, как я уже говорил, своего рода дуализм.

В более позднем неоплатоническом развитии этого подхода возникает своего рода пантеизм. Ну же, Платон, определись уже. Нет, бедный Платон, он предвосхищает, он предвосхищает все эти четкие определения альтернатив.

Он шарит в темноте. Ага. Эм.

Да. Да. Да.

Да. Да, видите ли, вопрос в том, означает ли небытие отсутствие вечной формы, но оставляет ли оно открытой возможность существования несотворенной первоначальной субстанции. Вот именно.

Вы говорите наоборот; вы утверждаете, что если существует нечто как небытие, то нельзя сказать, что существует небытие. Да, сказать, что в этом случае существует небытие, не означало бы, что небытие тождественно ничему, а просто ничему конкретному. Хорошо.

Помните фразу «ничего особенного»? Она важна. Вам показалось это милым, когда я её произнесла, не так ли? Она была значимой, а не просто милой. Ладно, а теперь давайте вместе разберём отрывок из «Тимея» в антологии, но у нас нет на это времени.

Итак, начнём с этого в среду, это будет хорошим способом поднять другие вопросы по данной теме, прежде чем мы перейдём к человеческой душе, к микрокосму. Спасибо.